

В Военные
П приключения

ПО ОСТРИЮ НОЖА

ВЛАДИМИР МИХАНОВСКИЙ

Генерал-полковник Иван Матейченко

Владимир Михановский

По острию ножа

«ВЕЧЕ»

1998

Михановский В. Н.

По острию ножа / В. Н. Михановский — «ВЕЧЕ»,
1998 — (Генерал-полковник Иван Матейченков)

Полыхает огонь войны на многострадальной чеченской земле. Ежесекундно рискуют своей жизнью люди, поступающие согласно своим убеждениям, пытаются «поймать рыбку в мутной воде» любители легкой наживы. А генерал Матейченков, полковник Петрашевский и их боевые соратники честно исполняют свой долг – ведь только так можно прекратить братоубийственное безумие... Новый роман известного мастера отечественной остросюжетной литературы.

© Михановский В. Н., 1998

© ВЕЧЕ, 1998

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	25
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Михановский

По острию ножа

Глава 1

Происшествие на КПП

Траектория передвижений полномочного представителя Президента России генерала Матейченкова по Чечне напоминала ломаную линию, у которой было начало, однако конца не предвиделось. Кружил хоровод названий, которые из незнакомых поначалу быстро стали привычными и близкими: Грозный, Ханкала, Гудермес, Наурская, Знаменское, Итун-Кале, Шатой, Кизляр, Ведено, Шелковская... И еще десятки крупных и мелких населенных пунктов. За каждым из названий – сотни и тысячи человеческих судеб. Проблемы, которые необходимо решать с ходу, когда, точь-в-точь по известному речению, промедление смерти подобно. Снабжение, боеприпасы, медицинская помощь... Взаимодействие воинских частей различного подчинения...

Дела, не терпящие отлагательства.

И – ответственность за каждое.

Но генерал умел за деревьями видеть лес, всегда осознавая, во имя чего все это делается. Решая важнейшие стратегические задачи, он не чурался и участия в рядовых операциях...

Вытянувшиеся вдоль дороги блокпосты представляли собой фильтр, призванный помешать передвижению боевиков, которые нередко пытались проскользнуть в нужном направлении под видом мирных крестьян, частенько с фальшивыми документами, хотя и очень высокого качества. От наших солдат и офицеров требовалась немалая сноровка, чтобы выловить такую «рыбку» в непрерывном потоке машин.

Матейченков любил наблюдать работу КПП. Если замечал непорядок – давал соответствующие указания, подсказывал правильное решение, включался в допрос подозрительной личности.

Однажды близ Урус-Мартана генерал несколько часов участвовал в работе контрольно-пропускного пункта. КПП технически был оборудован довольно основательно, хотя дежурные во многом нуждались. Это были мелкие, но досадные оплошности, затруднявшие работу людей, которая и без того была нелегкой и опасной.

...Рядом с пунктом помещается зона досмотра автомашин, остановленных дежурными на шоссе. Их загоняют сюда по одной, подвергают тщательному и придирчивому досмотру. Шмонают и водителей, и пассажиров, придирчиво, чуть не на свет рассматривают их документы.

В свободную минуту, когда поток машин на какое-то время иссяк, Матейченков разговорился с дежурным сержантом милиции, белобрысым пареньком из Пскова.

– Как служится?

– Нормально.

– Чеченец не донимает?

– Бывает, особенно ночью. Но мы приноровились. Стены укрепили, огневые гнезда установили. Как сунутся, так сдачи даем.

– Молодцы! А что из дома пишут?

– Да там не густо... – помрачнел парень: генерал задел больной вопрос.

– Какая у тебя семья?

– Мама и сестренка. Младшая. Болеет все время, деньги на лечение надо.

– Мать работает?

– Недавно стала безработной: исторический музей, где она работала экскурсоводом, закрыли. Сказали: из-за недостатка средств. Да там хоть работай, хоть не работай – толк один: у нее зарплата была – пятьсот рублей. Только на хлеб и хватало. Они от меня все помощи ждали. А тут новость подоспела: боевые вроде у нас срезали. Не знаете ли, так ли это, товарищ генерал?

Теперь уже дежурный задал вопрос, больной для Матейченкова. О непорядках с выплатой боевых он слышал от многих людей – и в Краснодаре, где успел побывать уже несколько раз, и в Грозном от контрабандников, и еще от многих...

– Мы тут наведем порядок, потерпи немного.

– Да терплю, куда я денусь...

– А вот скажи: за последнее время дежурить на КПП стало легче или тяжелей?

Сержант задумался:

– Это как посмотреть. В чем-то полегче стало.

– Например?

– Ну, рейсовые автобусы по этой дороге напрочь отменили. Населению, может, похуже, а нам легче: досматривать автобусы тяжело. Набиты они сверх всякой меры, опять же детишки. А спрятать и провезти контрабандой всякого добра там много можно было.

– Да, укромных уголков хватает...

– О том и речь. Много чего попадалось. Особенно часто – оружие и наркотики. Найдешь, спрашиваешь: это чье? Все – молчок. Один ответ: не мое, не знаю. Понимают, что за такую поклажу крепко схлопотать можно. А стоит эта наркота обалденно: большие тыщи, а то и миллионы, – сплюнул в сторонку дежурный. – Да, помучились мы с этими автобусами.

– А в чем еще облегчение? – продолжал свои расспросы полпред, стараясь вникнуть в мельчайшие тонкости будней КПП.

– Еще? Чеченцы по ночам поменьше нападать стали.

– Это отрадный факт. Выдохлись, что ли?

– Есть маленько, – задорно улыбнулся дежурный, потом спросил: – А нельзя кое-чем пособить нам, товарищ генерал? Оно вроде и мелочи, но это как посмотреть...

– Ну, выкладывай.

– Летом иногда питьевой воды не хватает. Хоть ложись да помирай от жажды.

– А где воду берете?

– Она у нас привозная... Если вовремя не привезут – беда.

– А запасец сделать?

– Пробовали. Не получается. За день-два заванивается, холодильника-то нет, погребка тоже. А водитель, стерва, однажды грозился, что за хорошую воду деньги с нас брать будет...

– Ну, это уже ни в какие ворота не лезет! – возмутился генерал. – Я разберусь и накопью кому следует.

– Только на меня не ссылайтесь, – попросил дежурный.

– Ты-то чего боишься?

– Да у них там, у водовозов этих... как бы это сказать... мафия не мафия, но что-то вроде того. Своя организация, одним словом. Узнают, что я настучал, весь наш КПП без воды оставят, припухать будем.

– Ничего себе порядочки!

– Еще рация у нас плохо работает. Допотопная потому что. Бывает, срочно связаться с руководством надо, а она то и дело выходит из строя.

– По какому поводу чаще всего связываетесь? Когда подмога требуется?

– Ну, это если особенно большой отряд бандитов на нас нападет, а так справляемся собственными силами. Но вот по таможенным делам – это приходится часто...

– Это как – по таможенным? – не понял Матейченков.

– А вот сейчас появится машина, станем ее досматривать, сами увидите, товарищ генерал, – пообещал дежурный.

Ждать пришлось недолго.

На дороге показались потрепанные красные «Жигули» с вытертой донельзя резиной. Водитель послушно притормозил «шестерку» возле КПП, въехал в зону досмотра.

Матейченков, стоя в сторонке, наблюдал за работой дежурных.

На машине (он это сразу определил) были грозненские номера. Рядом с водителем сидела пожилая женщина в черном платке.

К дежурному из помещения вышел напарник. Они попросили выйти из кабины водителя и женщину, потребовали документы.

Шофер и его пассажирка являли собой полную противоположность друг другу. Если первый вел себя заискивающе, чуть ли не лебезил перед дежурными, то женщина держалась строго, можно сказать – надменно.

Что-то в документах дежурным не понравилось, они долго и придирчиво рассматривали их, передавая друг другу.

– Куда следуете? – спросил дежурный.

– В Грозный, гражданин начальник. В Грозный, не сомневайтесь, – зачастил водитель.

Женщина промолчала.

– Зачем?

– Вот ее я подрядился отвезти, – водитель кивнул на женщину.

– А что случилось?

– Ей нужно с сестрой повидаться. Сестра у нее в Грозном проживает, парализованная. Осколком нерв перебило.

Женщина упорно молчала.

– Она что, по-русски не говорит?

– Нет.

– Как это может быть?

– В горах всю жизнь прожила. В ауле, где русских нет.

– Совсем по-русски не понимаешь? – обратился к пассажирке сержант.

Та молча пожала плечами.

Все выглядело настолько натурально, что Матейченков, слышавший весь разговор, проникся сочувствием к несчастной женщине.

– Что везешь? – спросил один из дежурных.

– Да пустая машина у нас.

– Оружие, наркотики?

Водитель всплеснул руками:

– Какие наркотики? Я их сроду в глаза не видел. Мы этими вещами не занимаемся.

– А оружие?

– Ни разу в жизни в руках не держал. На нефти всю жизнь проработал, вот и руки остались черные, – в доказательство он протянул руки, и впрямь довольно грязные.

Дежурные попросили открыть багажник, поднять капот машины, и приступили к тщательному досмотру.

Содержимое бардачка вытрясли на сиденье. Здесь были сигареты «Прима», разная мелочь – ничего недозволенного. Подняли резиновый коврик, обстучали стенки салона, заглянули даже в рукава пепельниц.

Сержант зачерпнул горстку сигаретного пепла, понюхал ее и покрутил носом – что-то опытному дежурному не понравилось, однако он промолчал.

В моторе тоже не оказалось ничего, что могло бы вызвать подозрения. В багажнике стояло несколько канистр.

– Что в канистрах?

– Бензин.

– Зачем так много?

– Ты же знаешь, начальник, по дороге заправок нигде нет. Разбиты с самого начала войны. Приходится весь запас тащить с собой.

– Все равно много. Весь багажник забит.

– А обратная дорога? – возразил водитель. – В Грозном бензин втридорога, не купишь. А у нас – свой, хоть некачественный, зато недорогой.

– Может, ты продать его собираешься там, в Грозном?

– Зачем продать? Только бы себе хватило...

«Зря придирается, – подумал Матейченков. – Сразу же видно: мирные люди, небогатые, по делу житейскому едут. Может, ребята так стараются из-за моего присутствия? Когда машина уедет, нужно будет потолковать с ними».

Между тем дежурные отошли в сторонку, о чем-то тихо переговорили между собой.

– Что в канистрах? – еще раз спросил сержант.

– Бензин, только бензин, клянусь Аллахом! – шофер вскинул как бы в мольбе руки.

– А вот мы выльем и посмотрим, какой там бензин...

– Только не выливайте, Христа ради! Мы по дороге застрянем. Если штраф положен, мы заплатим, – и водитель суетливо полез в карман, вытащив оттуда тощий потертый кошелек.

Сержант оттолкнул его рукой, вошел в дежурку. Через несколько мгновений вернулся с парой длинных – по локоть – резиновых перчаток.

– Зачем руки себе мараешь, начальник? – спросил водитель. – Потом неделю будешь пахнуть бензином, не отмоешься...

– Гляди, чтобы сам отмылся.

– Лучше я заплачу тебе, как надо. И тебе, и мне хорошо будет... Ты не думай, я не деревянными – долларами заплачу. Столько, сколько скажешь.

На Матейченкова, продолжавшего стоять в сторонке, водитель не обращал никакого внимания.

«Эге, мужик-то не так прост, как могло показаться с первого взгляда, – подумал генерал. – А ребята, видать, опытные и знают свое дело».

Между тем сержант, натянув резиновую перчатку на правую руку, отвинтил крышку с первой канистры, стоявшей с краю, и приступил к работе.

Чеченец, поняв, что капэпэшников не уговорить, молча смотрел на их действия.

И только женщину, казалось, ничего из того, что происходило на зоне досмотра, не интересовало.

С первой канистрой было покончено. Сержант аккуратно завинтил ее и принялся за вторую, стоявшую рядом.

– Говорю же, начальник, зря стараешься, – снова подал голос водитель. – Я заплачу тебе баксы...

– Заткнись! – оборвал его сержант, неимоверно злой от первой неудачи. Он явно решил идти до конца.

Минут через пятнадцать неприятная для сержанта процедура была завершена. Все канистры просмотрены, ничего, кроме бензина, в них не обнаружилось.

Лицо чеченца сморщилось в улыбке.

– Значит, разойдемся, как в море корабли, – произнес он. – Я всем в ауле у нас расскажу, какие молодцы на этом КПП служат, исправно службу несут...

– Мели, Емеля, твоя неделя... – пробормотал сквозь зубы второй дежурный.

Оставалось вернуть документы чеченцам и пожелать им, как положено, счастливого пути.

В этот момент из помещения КПП вышла на бетонное крыльцо румяная женщина-сержант. Видимо, она отдыхала в пристройке, потому Матейченков, заходивший в дежурку, не заметил ее.

Молодая женщина сощурилась на низкое зимнее солнце, оглядела двор, мигом оценила ситуацию и произнесла, обращаясь к дежурным:

– Я вчера на соседнем КПП была. Воду одолжить ездила к ним, свежую.

– И что?

Она сошла с крыльца:

– Ребята рассказывали интересную штуку. Знаете, как чеченцы насобачились провозить наркоту? Вот в таких металлических канистрах, – кивнула она на багажник.

– Говори, не томи.

– Они герметичный мешочек с наркотой приделывают к стенке какой-то магнитной лентой... Дежурный лезет с перчаткой в канистру, щупает дно – там ничего нет. И – проезжай себе дальше, друг ситцевый.

Глаза чеченца, смотревшего, не отрываясь, на девушку, полыхнули такой ненавистью, что она, казалось, должна была вспыхнуть и сгореть на месте.

Даже чеченка наконец пошевелилась и запахнула на груди черный с кисточками платок.

Оба дежурных, не сговариваясь, взяли канистру за ручки и понесли в угол двора, где помещалась сточная яма, покрытая решеткой.

Когда бензин был вылит, на внутренних стенках канистры были обнаружены наросты аккуратных пакетиков, прилипших к боковым стенкам...

Остальные канистры ничем не отличались, будучи опорожненными, от своей товарки.

Острый запах бензина, вылитого на решетку, быстро распространился в морозном воздухе, щекоча ноздри.

Сержант, не снимая перчатки, осторожно оторвал один пакетик от стенки – сделал он это легко, без всяких усилий, – с торжеством поднес к носу водителя:

– А это что?

Тот сделал большие глаза:

– Первый раз вижу.

– Знаешь, чем это пахнет?

– Знаю. Бензином.

– Это пахнет преступлением.

– Не понимаю.

– В фильтрационном лагере поймешь.

Второй дежурный спросил:

– Что в пакете?

– Понятия не имею. По-моему, там порошок какой-то.

– Какой?

– Может, стиральный?

– А если я заставлю тебя сейчас сожрать его? Вместе с пакетом? – поинтересовался сержант.

– Ваша власть. У меня вы бы и не то сожрали, – видимо, водитель решил, что уже все равно.

Крепкий подзатыльник вернул его к суровой действительности.

– Чьи пакеты?

– Не знаю.

– Как они попали в твою машину?

– Сосед из аула попросил подбросить канистры.

- Куда?
- В Грозный.
- Хорошо. Можешь показать нам этого человека?
- Нет.
- Почему?
- Я его не знаю.
- В твоём ауле живет и не знаешь?
- Он приезжий.
- Неважно. Покажешь нам его.
- Его уже нет.
- Куда же он делся?
- Уехал.

– Пусть так, Магомед, – согласился сержант, посмотрев в паспорте имя водителя. – А кому ты должен был передать канистры в Грозном? Имя, адрес?

- Не знаю.
- Станешь врать, будет хуже.
- Гражданин начальник, ну откуда мне знать его имя? – в голосе водителя слышались просительные нотки.
- Как же ты передашь товар?
- Он сам должен подойти ко мне.
- Где?
- В Грозном, я же сказал.
- В каком месте?
- На площади.
- Какой?
- Перед президентским дворцом.

Каждое слово из водителя приходилось вытаскивать клещами, но дежурные понимали, что овчинка стоит выделки: отследить цепочку, по которой передавались наркотики, было заветным желанием и мечтой каждого капэпэшника.

В том, что в пакетах наркотики, не сомневался никто.

– Поедем в Грозный вместе, мы хотим поговорить с этим человеком, – предложил сержант.

– Поедем, почему не поехать? – охотно согласился водитель, впрочем, ему ничего другого и не оставалось. – Тем более, без бензина мы сами теперь далеко не уедем. Только, боюсь, вы зря прокатитесь.

- Это почему?
- А вдруг тот человек не подойдет?

«Да этого наркокурьера на кривой не объедешь, – подумал генерал Матейченков. – Хитер, как дюжина лисиц». Он решил пока не вмешиваться в ситуацию, проследив ее развитие до конца.

– Поведешь себя правильно, перестанешь дурака валять – отпустим тебя, еще и денег дадим тебе и твоей даме, – сказал первый сержант, взвешивая в руке изъятый пакетик.

- И никто ничего не узнает, – добавил второй. – Только помоги нам, Магомед.
- Хорошо.
- Что в пакете?

– Вам же сказали – там стиральный порошок, – вдруг на чистейшем русском языке произнесла женщина в черном платке.

«И возговорила Валаамова ослица человеческим голосом», – подумал генерал Матейченков.

– Так ты по-русски знаешь? – удивился сержант. – Что же молчишь все время, как телеграфный столб?

Женщина отвернулась.

Девушка-сержант взяла из рук напарника пакетик, внимательно осмотрела, надкусила крепкими зубами. Понюхала содержимое, взяла немного порошка на язык, подержала некоторое время и выплюнула на снег. Лицо ее на мгновение сморщилось.

– Тьфу, гадость!

– Я же вам говорила, солдаты, что мы везем стиральный порошок, а вы мне не верите, – величественно произнесла чеченка.

– Этот стиральный порошок называется героин, – продолжала девушка, – причем высокой степени очистки. – Здесь, в Чечне, по-моему, такой не делают. Думаю, он турецкого производства. Или афганского.

Дежурные собрали пакетики в целлофановый мешок.

– Целое богатство, – заметил первый сержант, прикидывая его на вес. – Как думаешь, на сколько потянет?

Девушка пожала плечами:

– Не по моей части. Начальство разберется.

– Надо доложить по рации.

– Не спеши.

– А что?

– Сначала этих как следует обыщем.

– Ступайте оба в караулку! – произнес сержант и указал задержанным рукой на дверь.

– Будьте вы все прокляты, – без всякого выражения произнесла чеченка, первой ступив на крыльцо.

Ее досматривала за перегородкой девушка-сержант, водителем занимались оба дежурных. Тщательный личный досмотр увеличил число изъятых наркотиков, а также их ассортимент. Стало ясно, что эта парочка – серьезные наркокурьеры, и работа с ними по выявлению всей цепочки должна быть перспективной.

Затем старший наряда попытался связаться по рации со своим начальством, это удалось ему только после четвертой попытки, а генерал Матейченков смог воочию убедиться, как неважно работает устаревшая техника связи, на которую ему жаловался сержант при недавнем разговоре.

Бесконечные помехи и атмосферные хрипы то и дело вклинивались в разговор.

– Чтоб ты всю жизнь так хрипел! – в сердцах произнес сержант, когда очередная помеха прервала реплику начальства.

Сразу после КПП генерал Матейченков направился в штаб объединенной группировки федеральных войск. Кроме неотложных боевых задач, у него назрел еще один важный разговор, который также не терпел отлагательства.

Глава 2

В объединенном штабе

После того как был обсужден тактический план ближайшей операции по перехвату группы боевиков, которую вертолетчики обнаружили в горах, Матейченков сказал:

– Я только что объехал Шелковской и Наурский районы.

Начштаба насторожился:

– И что?

– Проверял работу КПП.

– Есть неполадки?

– Есть.

– Я слушаю, Иван Иванович, – начальник штаба с готовностью взял ручку, пододвинул чистый лист бумаги. – Контролируют слабо? Пропускают, кого попало? Давно хотел до них добраться, только руки не доходят.

– Ребята работают нормально. Сегодня, например, на моих глазах двух наркокурьеров прихватили. Неполадки не у них, а у нас. Почему личному составу задерживается выплата боевых суточных?

– Выплату боевых в Шелковском и Наурском районах отменили, – сказал начальник штаба.

– На каком основании?

– Эти районы признаны мирными.

– Мирными? Может, война уже закончилась и чеченцы перестали обстреливать блокпосты? Может, мы не теряем там каждую ночь по несколько бойцов убитыми и ранеными?..

Начштаба молчал.

– Остальным размер боевых не урезали? – спросил полпред после тягостной паузы.

– Нет. Так и осталось: около тысячи рублей в день.

– В общем, так... Заготовьте приказ: всем сотрудникам КПП немедленно выплатить все причитающиеся боевые, включая задолженность.

– Не могу, Иван Иванович.

– Почему?

– Распоряжение из Москвы.

– Чье?

– Из Минобороны.

– Мотивы?

– Ну... они решили, что эти деньги необходимо направить на более неотложные нужды, – замялся начальник штаба.

– Более неотложных нужд у нас нет. Пишите приказ.

Начштаба покачал головой:

– Не могу, Иван Иванович...

– Можете!

– Да они меня в бараний рог скрутят. С ними только начни заедаться... Вмиг голову снесут. Поймите меня по-человечески, Иван Иванович: не могу я класть свою голову...

– А я свою – могу! Пишите приказ от моего имени, – сказал Матейченков.

– Как прикажете, товарищ генерал-полковник, – произнес заметно повеселевший начальник штаба.

Матейченков не ушел, пока приказ не был подготовлен по всей форме: он слишком хорошо знал повадки штабных чиновников. Только подписав приказ, он попрощался и заторопился: на конец дня оставалось еще несколько дел, и все требовали его участия и решения.

Уже стоя в дверях, Матейченков обернулся:

– Еще одно.

– Слушаю!

– Распорядитесь, чтобы со следующей недели сотрудников КПП снабжали минеральной водой.

– В бутылках?

– В бутылках! А то пьют черт знает что, отсюда – и дизентерия, и отравления, и прочее в том же духе.

– Из какого фонда?

– Из моего личного, – произнес генерал и покинул помещение.

Глава 3

Координация

При всех текущих делах, которые во множестве приходилось решать каждый день, полномочный представитель Президента РФ не забывал о главной своей задаче – направлять в единую колею действия подразделений различных силовых и, если можно так выразиться, полусиловых ведомств.

По его мнению, страна давно уже должна была определиться со своей военной структурой.

Однажды, во время очередного приезда в Краснодар, полпред имел об этом серьезный и обстоятельный разговор с генерал-лейтенантом Михаилом Куликовским. Они встретились в номере ведомственной гостиницы, в которой остановился Матейченков, сам не ведая, насколько – на день, два, три, – пока очередная необходимость не вырвет его телефонным звонком обратно в Чечню.

– Я всегда говорил, и сейчас могу повторить: нас губит узкий ведомственный подход к делу, – горячился Куликовский.

– Согласен. Но что же конкретно надо делать? Ведь ты посмотри, какая картина получается, – сказал Матейченков. – Россия имеет, кроме обычной регулярной, еще по крайней мере пять армий.

– Ну уж и пять...

– Я столько насчитал. Пусть они поменьше, зато тоже прилично вооружены, а главное – вполне самостоятельные. Скажи, Борисыч, разве это дело?

– Давай для начала их пересчитаем.

– Ну, начну с моих родных. Войска МВД. Сила довольно внушительная. Сюда входят и внутренние войска, и ОМОН. И прочие спецчасти, – произнес Матейченков.

– МЧС, – добавил Куликовский, – это два.

– Да, они необычайно выросли за последнее время, – добавил Матейченков. – И оснащение у них хорошее, современное, да и организации позавидуешь.

– У Минюста свои войска есть тоже, – подхватил Куликовский. – Посчитать их по всей России, тоже небось мало не покажется.

– Это уже три, так? Добавь сюда МПС, – продолжал Матейченков. – У наших доблестных железнодорожников тоже ведь свои войска. Ну и на закуску – войска ФПС.

– Пять и выходит, кроме Минобороны. Итого – шесть разных армий! – покачал головой Куликовский.

– Теперь обратимся к военному опыту последних лет. У меня он поднакопился и в Карачаево-Черкесии, и в той же Чечне, да и по работе в структурах МВД. Очень нелегко координировать действия этих самостоятельных сил.

– Целиком согласен.

– Ведь ты посмотри, какая складывается картина, – продолжал Матейченков. – Каждая армия обязана иметь свои собственные тылы, свою систему снабжения, даже свои собственные учебные заведения... Получается как бы маленькое государство в государстве. И такое маленькое государство само себе ставит цели и задачи, само – в конечном счете – определяет свои потребности в деньгах, которые потом всеми правдами и неправдами выколачивает из общего бюджета.

– Верно, – согласился Куликовский, внимательно слушавший Матейченкова.

– Что же получается в итоге, люди добрые? Все эти игрища выливаются в гигантские государственные расходы. Всем в результате хорошо, только государству плохо. А особенно плохо рядовому солдату на войне...

– Ты о чем?

– Да об элементарных вещах. С дерьма сливки приходится снимать. Боевые выплаты урезаем, жалкие гроши. Людям, которые жизнью и здоровьем ежедневно рискуют!

– Да, и я с этим сталкивался, да и сейчас приходится сталкиваться, по линии моих ветеранов. Столько сил и нервов угробил, чтобы эти несчастные выплаты сохранить. Ладно. Давай вернемся к тому, как нам быть с шестью самостоятельными армиями, – сказал Куликовский.

– Есть несколько вариантов... Хотел бы обсудить их с тобой, пока хотя бы чисто теоретически.

– Обсудить можно, – согласился Куликовский. – А что дальше?

– Подадим наверх докладную записку. Может быть, какие-то наши мысли и пригодятся.

– Какие же у тебя варианты реорганизации? С чего предлагаешь начать?

– Ведомственные армии сохранить...

– Да ты что?

– Подожди, дай договорить. Ведомственные армии сначала сохранить в неприкосновенности, однако для всех создать единый тыл. Понимаешь – единый.

– Хорошая штука. Но... ничего из этой затеи не получится, Иван Иванович. По очень простой причине.

– Ведомственность?

– Ну конечно. Структуры, имеющие армии, грудью встанут на защиту своих интересов. Ты представляешь, какой жирный кусок бюджетного пирога они рискуют потерять?!

Было уже далеко за полночь, гостиница давно уgomонилась, но оба генерала не собирались заканчивать разговор.

Матейченков сказал:

– Значит, ты полагаешь, что маленькие армии так просто не сдадутся, не пойдут под крыло Минобороны?

– Нет.

– Я это и сам предполагал, и придумал еще одну штуку: включить в эту гипотетическую единую структуру еще и весь военно-промышленный комплекс.

– Логично. Хотя бы потому, что вся военная сила государства будет собрана в единый кулак. Но что это даст для самостоятников?

– А они после этого хода никуда не денутся. Просто у них будет выбита почва под ногами. Одобряешь?

Куликовский улыбнулся:

– Знаешь, Иваныч, такой анекдот? На дрейфующей льдине полярник смотрит на козу и говорит: «Всем хороша ты, Машка, только стирать не умеешь».

– Это ты к чему?

– Всем твой план хорош, но только... Как бы это сказать поточнее... Не слишком ли мощным получается в результате такой единый военный кулак?

– Это неплохо.

– Как же неплохо! – загорячился Куликовский. – Это ж полная милитаризация государства.

– Пора нам выбираться из выгребной ямы на свет божий. Слишком долго мы разрушали собственную армию, унижали ее, пренебрегали ее интересами. А чтобы выпрямить искривленную палку, нужно перегнуть ее в обратную сторону. Согласен? – спросил Матейченков.

– Против твоей логики не попрешь. Но как хочешь, а я остаюсь при своих сомнениях.

– Да мне и самому этот план кажется несколько односторонним, – признался Иван Иванович. – Тогда послушай второй вариант реформы военных сил России.

– Давай.

– Между прочим, я подобные идеи встречал и у других генералов... У меня они, признаться, вызывают больше сочувствия, чем первый вариант, с единым «железным кулаком». Тут нет уже единого тыла...

– А что предлагается?

– Шесть ведомственных армий ликвидируются, создается единая военная организация.

– Вот это уже интересно.

– При этом единым становятся и управление, и снабжение. Одно руководство, один тыл.

– Слез и поломанных амбиций будет много, но овчинка, пожалуй, стоит выделки, – одобрил Куликовский.

– Вооруженные силы страны должны быть едины.

– Постой-ка, брат, постой! – воскликнул Куликовский. – Ты противоречишь сам себе.

– В чем это?

– А как же, например, близкие твоему сердцу участковые милиционеры? Ты что же, собираешься лишить их оружия?

– Никакого противоречия здесь нет, – парировал Матейченков. – Да, те, кто не входит в вооруженные силы, должны быть лишены не только оружия, но и погон, и прочих армейских знаков отличия: ведь они уже не будут входить в собственно армию.

– И кем же они станут?

– Особым разрядом государственных служащих.

– Но ведь перед милицией, скажем, стоит определенная задача: обеспечивать социальную безопасность, стабильность общества. Как же ее обеспечивать без оружия?

– Другими методами. Но это особый разговор.

– «Всем хороша ты, Машка...» – начал Куликовский.

– Что, и со вторым вариантом не слава богу?

– Ну конечно. Сам посуди, Иван Иванович. Маленькие полководцы железнодорожных шпал и кавалеры слепой Фемиды своих привилегий без боя не отдадут.

– Значит – бой. А куда денешься?

– Я скажу тебе больше, дорогой полпред. Твой проект и в самом Минобороны встретят в штыхы.

– А им-то что?

– Продолжи дальше свою логическую цепочку. Из твоей новой системы единого комплекса вооруженных сил выпадают и министр обороны, и весь его дорогостоящий аппарат.

– Говори.

– Причина здесь простая: ведь главнокомандующим-то становится президент.

– Давай вспомним российскую конституцию, – предложил Матейченков. – Мы все ее основательно подзабыли, а зря.

– Ты говоришь о роли правительства?

– Ну да, – кивнул полпред. – Конституция говорит, что правительство обязано осуществлять меры по осуществлению обороны страны. Минобороны – не что иное, как одно из структурных подразделений правительства. Ты, надеюсь, с этим согласен?

– Абсолютно.

– А с другой стороны, что означает: «обеспечение»? Это вполне конкретное понятие: сюда входит обеспечение финансовое, материально-техническое, продовольственное.

Куликовский добавил:

– Производство вооружений. Стоп!.. Это что же получается? Министр обороны должен будет переквалифицироваться в хозяйственника, финансиста, в производственника... Да в кого угодно! А как же маршальские погоны?..

– Увы, они в этом варианте утрачиваются. – Матейченков помолчал и добавил: – Но пора ведь не о погонах, а о России подумать.

Глава 4 Замысел

Гибель каждого солдата в Чечне генерал Матейченков воспринимал тяжело, болезненно, как личную свою утрату. Особенно невыносимо было видеть, как гибнут мальчишки-новобранцы, успевшие отслужить в армии без году неделю. Он пытался докопаться: чья злая воля отправила их на Северный Кавказ? Но нащупать главного виновника было нелегко. Все лица минобороновских высокопоставленных чиновников сливались в одно, серое и невыразительное.

Попробуй, разрушь эту круговую поруку! И что здесь является первопричиной? То ли огромные деньги, проще говоря – взятки, то ли чье-то осознанное желание обескровить Россию, пустить по ветру самый ценный ее человеческий материал. А может – и то и другое вместе?..

К счастью, не только из мало обученных новобранцев состояла армия. Были здесь и кадровые военные достаточно высокого уровня подготовки.

Матейченков отчетливо понимал: Чеченские войны – и первая, и вторая – не говоря уж о Кавказской кампании, которая велась в XIX столетии генералом Ермоловым, имеют специфическую окраску, резко отличающую их от других войн. Они проходят в основном в горной местности, и потому в той или иной степени вынужденно носят партизанский характер.

Поэтому, решил генерал Матейченков, необходимо срочно расширить и укрепить части, способные вести именно такого рода боевые действия. Один опытный диверсант способен принести урон противнику больше, чем целая рота или батальон храбрых вояк, приученных к войне в равнинных условиях.

Полпред долго искал, на кого опереться, чтобы осуществить свой замысел. Наконец, выбор его остановился на полковнике Николае Константиновиче Петрашевском

Полковник некоторое время возглавлял войсковую разведку армейского корпуса, что Матейченкова устраивало. Устраивало его и то, что Николай Константинович хорошо знал местные условия, причем его богатый военный опыт отнюдь не ограничивался одной Чечней: кроме нее, Петрашевский повоевал практически во всех «горячих точках» Кавказа и Закавказья: Дагестане, Карабахе, Баку, Тбилиси, Абхазии...

В Чечне во время ожесточенного сражения полковник был тяжело контужен вражеской миной, но теперь излечение близилось к завершению.

Генерал пригласил его на беседу – дружескую, неофициальную. Они сидели в офицерской палатке, за ее брезентовыми стенками гремела недалняя канонада. Докрасна раскаленная буржуйка источала жар, на столе стоял чайник со свежесваренным чаем, от которого в палатке пахло как-то по-домашнему...

– Какие у тебя планы на будущее, Николай Константинович? – спросил Матейченков.

– Простые: долечиться.

– А потом?

– Вернуться в строй.

– Демобилизоваться не собираешься?

– Нет.

– Между прочим, имеешь полное право.

– Я кому-то здесь мешаю, товарищ полномочный представитель? – с солдатской прямо-той рубанул Петрашевский.

– Никому ты не мешаешь, успокойся, полковник, – улыбнулся в густые усы Матейченков. – Наоборот, я очень хотел бы, чтобы ты как можно сильнее мешал.

– Кому?

– Боевикам.

– Наши желания совпадают. Потому я и хочу остаться в армии.

– Коли ты так настроен, поговорим более подробно. Меня интересует твое видение нынешней войны.

– Я часто об этом думал, – оживился полковник. – Почему при таких мощных силах и технике мы то тут, то там терпим неудачу? В чем корень наших ошибок, или просчетов?

– Интересно...

– Дело в том, что мы привыкли к традиции. Возьмем тот же Кавказ – это самая близкая для меня тема. До начала девяностых Кавказ был спокоен – таким оставил его нам в наследство Советский Союз.

– Спокоен до определенной степени, – уточнил генерал.

– Вот именно! – подхватил Петрашевский. – Это было спокойствие спящего вулкана, который мог проснуться. Наше тогдашнее военное и политическое руководство обязано было этот момент предвидеть, а оно, честно говоря, его прозевало. Когда чеченский вулкан начал просыпаться, мы по старинке продолжали полеживать на боку, уповая на авось, на то, что все обойдется.

– А чеченцы?

– Вот те не дремали. У них сразу же возникли – может быть, и стихийно – мелкие диверсионные группы, которые наносили нам вред больше, чем целые организованные части.

Матейченков кивнул.

– Понимаете, доходило до того, что они вытаскивали – или выкрадывали – с наших баз БТРы, танки. Даже самолеты и артиллерию! И не штуками – десятками.

– А может, покупали?

– Слышал я и такое... Насколько это правда, судить не берусь. Хотя при нашем уровне коррупции вполне допускаю.

– Так или иначе – результат один, – заметил генерал.

– Да. Ну кто о чем, а вшивый про баню, – продолжал Петрашевский. – То бишь – про войсковую разведку. Я быстро понял, что в новых условиях партизанской и диверсионной войны старая армейская разведка мало пригодна.

– Можно подробней? – попросил Матейченков. – Дело в том, что я и сам над этим думаю.

– Ну, например, я сразу решил, что у нас среди чеченцев должна быть своя агентура. Постоянная. Так сказать, штатная. Получающая за свою работу приличные деньги. Попытался я решить этот вопрос, по крайней мере приступить к нему, и сразу наткнулся на огромную проблему.

– Догадываюсь, какую...

– Правильно догадались! – воскликнул полковник. – У нас ведь все по полочкам разложено, что кому дозволено, а чего нельзя. Оказывается, иметь свою агентуру официально разрешается только ГРУ и КГБ, или там ФСБ... Все это мне популярно разъяснили. Хорошо. Спрашиваю, как быть? Есть ли решение вопроса? Есть, говорят. Ваша армия, как и всякая, имеет Особый отдел. Ищите себе агентов, но оформляйте их через него.

– Так ты и сделал?

– Ничего путного, увы, не получилось. Все потонуло в какой-то бумажной волоките. А это вызвало самое неприятное в таком деликатном деле – утечку информации.

– И ты сложил крылья?

– Нетушки! Я поступил, как в анекдоте. Когда у банкира спрашивали, как его здоровье, он отвечал: «Не дождетесь!» Обратился я с просьбой к высокому начальству, минуя всякие промежуточные инстанции. Хочу, мол, создать при своей разведке особую диверсионную группу. Ну а к ней в виде необходимого разведывательного приложения – небольшую аген-

турную сеть. Начальник сказал: «Действуй по собственному усмотрению. Задумка интересная. Мешать не буду, посмотрю на твою самодеятельность сквозь пальцы. Но если что не так, ежели облажаешься – пеняй на себя. На меня не ссылайся, прикрывать не буду: мне своя голова дороже».

«Знакомая фраза», – подумал Матейченков.

– Дальше было просто, – продолжал Петрашевский. – Перебрал весь свой разведывательный батальон, благо, знал ребят как свои пять пальцев, не один пуд соли с ними съел... Начал отбирать людей с их согласия...

– А по какому принципу отбирал?

– Понимаете, Иван Иванович. Есть разведчики и – разведчики. Иной по всем параметрам вроде бы хорош. Он и храбрый, и добросовестный, и на память не жалуется. Но нет у него такого, не знаю, как сказать... Фермента, что ли...

– Закваски.

– Вот-вот! Короче, разведчиком надо родиться. Как, допустим, писателем либо музыкантом. Таких вот разведчиков от бога я и отобрал. С полсотни человек. А потом начал действовать, как завещал нам товарищ Ленин: учиться, учиться и учиться. Соорудил небольшой лагерь, позвал нескольких инструкторов – асов разведки. Разработал особую программу подготовки и засадил ребят за парту...

– Представляю, чего тебе все это стоило.

– Это оставим за скобками, – махнул рукой полковник. – Запьем вопрос чаем...

Разговор длился долго. Полковник терпеливо отвечал на все вопросы, не решаясь спросить, что за всем этим стоит. Может, кто-то стукнул про его учебный лагерь, существующий, по сути, на птичьих правах, и Матейченков собирается сделать ему втык?.. Так-то вроде не похоже, но кто его знает, что может быть на уме у высокого начальства?

Будто прочтя в глазах собеседника немой вопрос, генерал улыбнулся и произнес:

– Не тушуйся, полковник, ты все делаешь путем. Есть у меня одна задумка, но об этом немного позже. А пока расскажи мне, кого ты считаешь разведчиком от бога?

Полковник задумался:

– Общие вещи повторять не буду. К тому, что называл, добавлю еще двузначность, скажем так. Особенно, когда действие происходит в горах. Здесь от выносливости разведчика может зависеть не только возможность выполнить задание, но и сама его жизнь. Он должен уметь, не зная усталости или побеждая ее, сутками лазить по горам, продираться сквозь густые заросли, избегая троп, иногда даже звериных... Опускаться в провалы, как заправский альпинист. Во всяком случае, превосходить в выносливости чеченцев, которые всю жизнь только и делают, что лазают по горам.

– А еще?

– Умение мгновенно оценивать ситуацию. Как хороший шахматист, играющий блиц. Тут тоже ошибиться нельзя – иначе секир-башка. Еще? Способность восстанавливать силы за короткий срок. Выдалось спокойных пятнадцать минуток, завалился, передремал – и все в порядке. Хитрость, осторожность – само собой. Ну а главное – прирожденный талант разведчика, о котором мы говорили.

– Ну да, его словами не определить... – кивнул Матейченков. – И у тебя все ребята такие?

– Надеюсь.

– А как проходит обучение?

– Можно сказать, на ходу. Поскольку существуем мы как бы полуполюгально, то и действуем, как вольные стрелки. Вот, скажем, в одном дальнем ауле в горах, до него трудно добраться, чеченцы создали как бы маленькую ячейку рабовладельческого общества. Собрали туда русских военнопленных, главным образом технарей, и устроили маленькое предприятие

по ремонту и производству стрелкового оружия. Причем все у них было организовано четко. Пленных держали в специально выдолбленных ямах, летом открытых, на зиму накрывали их вместо крыши ветками. Ямы глубокие, самостоятельно оттуда не выбраться, на работу пленных веревками вытаскивали... А работа шла в большом загоне, вроде сарая, где располагались необходимые станки. Кстати сказать, первоклассные... Вот на них наши пленные с техническим образованием не только ремонтировали старое, но и, представьте себе, собирали новое оружие.

– Из каких деталей?

– Не могу сказать в точности... Наверно, тоже из-за границы.

– Вот тут, Николай Константинович, боюсь, ты ошибаешься.

Матейченков задумался.

– Ты подробности знаешь об этом подпольном сборочном цехе? – спросил он после непродолжительной паузы.

– Некоторые.

– Тогда скажи, там не собиралась снайперская винтовка последнего поколения?..

– Точно! – воскликнул полковник. – Так вы об этом деле знаете?!

– Первый раз слышу...

Петрашевский понял, что генерал вдаваться в подробности не намерен.

– У наших лазутчиков оптика хорошая, ее, кстати, у чеченцев и отняли, – продолжил он свой рассказ. – Ребята с безопасного расстояния наблюдали за аулом в течение нескольких недель, пока разобрались, что там происходит. И я разок побывал там с ними, посмотрел в цейссовский бинокль на дальний аул, с виду такой мирный... Но порядки там оказались драконовскими...

– Продолжай.

– Кормили пленных хорошо, однако за малейшую провинность жестоко наказывали. Потом уже, после удачной акции, мы кое-что узнали. Четверо наших ребят решили сделать подкоп, чтобы убежать из ямы. Чеченцы их застукали сверху, вытащили на свет божий и предали шариатскому суду.

– Казнили?

– Но как! На виду у всех глотки перерезали. Да не просто перерезали – головы целиком отчекрыжили и посадили на колья!.. Пленных заставили смотреть на эту казнь, их окружили охранники, направив на них автоматы. Шевельнешься – и конец!

– Как же вы их освободили?

– Довольно хитрым способом. Над самым аулом возвышается здоровенная гора. Можно сказать, Эльбрус местного значения. Видимо, чеченцы считали ее неприступной. По крайней мере, для русских. Остальные подходы к аулу у них охранялись и были пристреляны, а гора оставалась вне зоны внимания. На том я и построил свой план. Отобрал у себя в лагере несколько бывших альпинистов...

– Есть и такие?

– Кого у меня там только нет! Есть даже мастер черной магии... Потренировались мы с моими альпинистами, благо, гор для этого вокруг хватает, любой степени сложности. А потом я объяснил ребятам боевую задачу...

– Десантирование?

– Что-то вроде того. Склон горы был почти отвесным. Мне кажется, до нас вообще никто из людей по нему не взбирался: необходимости не было. А тяжесть с собой у нас была немалая: оружие, взрывчатка, продукты, вода... Ну и альпинистские причиндалы, само собой.

Добрались мы до подножия, передохнули немного. Ребята отменно наловчились расслабляться и отдыхать за короткий срок, а это, доложу я вам, немалое искусство. Потом я к ним обращаюсь, наша цель, говорю, во-он тот уступ. Приступаем к подъему, все боевое снаряжение

– с собой. Подъем опасный. Там тебе и ущелья, и провалы, и вертикальные стенки – все по полной программе. Если кто сорвется, пеняйте на себя. Кричать нельзя. И даже голос подавать – тоже нельзя. Потому что это может сорвать операцию.

– Никто не сорвался?

– Бог миловал. Даже не погиб никто, так уж у нас сложилось. Долго ли, коротко ли – добрались мы до уступа, который я наметил. По боковому рукаву обогнули немного гору, так что аул можно наблюдать. Смотрим – словно в прошлый век попали. Сакли стоят, до этого я их только на картинках видел. Кое-где дымок кизячный к небу поднимается, хозяйки, наверное, лепешки готовят. Или там шашлыки – кто там издали разберет.

На краю аула – сарай, тот самый сборочный цех оружия, как установили наши разведчики. А чеченцы, на наше счастье, сбились в кучу, о чем-то толкуют между собой, зубы скалят. Не знаю, что делают. Может, анекдоты свои травят.

Объясняю ребятам: «С этой стороны нас никто не ждет. Привязываем канат к основанию этого дерева (там рос мощный такой дуб, уж не знаю, как он туда забрался). Спускаемся по одному вон в ту лощинку. Там накапливаемся. Потом неслышно подбираемся к аулу и снимаем всех бандитов. А наших ребят освобождаем. Есть вопросы?» – «Есть, – говорит один, тот самый мастер черной магии. – Как быть с мирным населением?» – «Там нет мирного населения». – «А женщины?» – «Если мешать нам не будут, не трогать, – принимаю решение. – Если кто-то попытается это сделать – стрелять без всяких разговоров»...

– И опять скажу: молодец! – в который раз произнес Матейченков.

Внезапно зазвонил будильник, захваченный еще из Москвы. Полпред поставил его на четыре часа утра.

– Как время летит! – с досадой произнес генерал.

В четыре Матейченкову нужно было на вертолете вылетать в Урус-Мартан, где требовалось его присутствие.

– Не будем комкать наш разговор, Николай Константинович. Он слишком важный...

Оба поднялись.

– Я тебя разыщу дня через три-четыре.

– Боюсь, не найдете, – улыбнулся Петрашевский.

Генерал заверил:

– От меня не скроешься! Ты и сам, полковник, не знаешь, какой ты для меня сейчас важный человек...

Глава 5 В госпитале

Снова встретиться им довелось только через две недели. Известно ведь: человек предполагает, а война располагает.

За это время полковник Петрашевский проводил еще одну операцию – тоже «учебную» – со своими стажерами, и был ранен в левую ногу. Генерал навестил его в полевом армейском госпитале.

– Что с тобой, Коля? – спросил Матейченков.

– Да вот, ногу зацепило, товарищ генерал, – виновато улыбнулся Петрашевский.

– Когда?

– Позавчера. Отморозка ловили со взрывчаткой. В Грозном, в самом центре. Наверно, по подземным ходам прятался, их там полно.

Генерал огляделся. Госпитальная «палата» представляла собой армейскую палатку, напоминавшую ту, в которой они беседовали в прошлый раз.

Еще трое раненых, лежавших на брезентовых койках, тактично отвернулись, чтобы не мешать их разговору.

– Давай я тебя в хороший госпиталь отправлю, в Краснодар, – предложил генерал.

– Не надо. Меня здесь все устраивает.

– Пойми, чудак, не только о тебе пекусь. Я уже говорил, у меня на тебя серьезные виды.

– Спасибо, Иван Иванович. Рана несложная, пулю вытащили. Так что я уже вовсю шкандыбаю.

– Ну, вольному воля... – пожал плечами генерал. – Может, выйдем тогда на воздух? Закончим наш разговор.

– Давно жду этого момента, – признался Петрашевский.

– На чем мы в прошлый раз остановились? – спросил Матейченков, когда они устроились под навесом, где стоял донельзя заляпанный грязью газик, кузов которого был изрешечен пулями. – Ага, вспомнил. Как же вы спускались?

– Без сучка без задоринки. Канат выдержал, мы благополучно нырнули в лошину, расположенную рядом.

– Вас никто не заметил?

– Нет. Одна женщина вроде заметила, но повела себя как-то странно: вместо того, чтобы закричать, прижала обе руки ко рту, словно заставляя себя молчать, и не издала ни единого звука.

– Может, чокнутая?

– Я и сам так подумал.

– А оказалось?

– Сейчас дойдем, товарищ генерал.

– Ну продолжай.

– Я шепотом распределил обязанности, шепотом сказал: «Пли!», и через минуту все было кончено. Снайперы у меня, дай бог! Радость пленников, которых мы освободили, трудно описать. Они так кричали, что я сказал: «Тише, ребята, лавину с гор вызовете!» – «Здесь в горах нет снега!» – «Ну камнепад!»...

– А что за производство у боевиков было?

– Стали мы разбираться с ребятами – господа, помилуй! Такие станки, может, только в Америке увидишь. Огромные, сверхточные. Ухоженные, блестят как новенькие. Стали мы думать да гадать, как эти станки вниз спустить.

– А готовая продукция была?

– Нет. Наверно, она сразу в дело уходила. А вот станки жалко. До сих пор стоят перед глазами. Вертолета у нас, естественно, нет, свои бы ноги утащить... Тогда я взял лом, крикнул: «Так не доставайся же ты никому!» – и принялся крушить всю эту красоту. Мои ребята и пленные быстренько довели оборудование «до нужной кондиции», и начали мы готовиться к обратному спуску...

– Погоди-ка, – произнес Матейченков. – А женщины?

– Что женщины?

– Как вы с ними обошлись? И почему не кричала та чеченка, которая вас первой заметила? Ведь она по сути дела спасла вашу жизнь, а также всю операцию

– В том-то весь фокус, товарищ генерал! – широкая улыбка осветила лицо Петрашевского. – Это оказалась не чеченка, а наша, русская.

– Не понимаю.

– И я сначала ничего не понял. Оказалось, все женщины в этом проклятом ауле – тоже наши пленные. Обслуга для чеченцев. Пищу готовили, обстирывали и прочее. А уж как они измывались над нашими бабами – особый разговор, – помрачнел полковник.

– Можешь не рассказывать, я и так этого в Чечне насмотрелся, – махнул рукой Матейченков.

Во дворе госпиталя шла обычная суета – привозили новых раненых, медсестра кричала кастаньянше, что у нее кончился спирт для протирания пробирок, переругивалась шоферня.

– Еще один вопрос, довольно пикантный, – сказал генерал. – Тебе хоть какие-то деньги Минобороны выделяет?

– Шиш с маслом.

– Как же ты кормишь своих ребят? Одеваешь, обуваешь? Чем инструкторам платишь? И потом, где деньги на спецоборудование достаешь? Ведь одно альпинистское оборудование черт знает сколько стоит.

Полковник скромно потупился:

– Находятся добрые люди... По нынешнему сказать – спонсоры. Подкидывают кое-что от своих щедрот.

– Не называешь их? Это тоже тебе в плюс, – улыбнулся Матейченков.

– Могу назвать...

– Не стоит. Впрочем, я и так догадываюсь, кто эти люди. Держи хвост морковкой, полковник! Я тебе тоже буду деньжат подкидывать, есть у меня личный фонд.

– Спасибо.

– Но это так, мелочи, – отмахнулся полпред. – Я подумал и решил, что дело, которое ты начал, необходимо поставить на широкую ногу. А тебя во главе всего поставить. Как смотришь?

– С вами, товарищ генерал, хоть в разведку...

– Хоть в контрразведку, – пошутил Матейченков. – Ладно. Пока выздоравливай. Как дойдешь до кондиции – звони. Вот номер моего личного мобильного, – полпред продиктовал несколько цифр. – Запомнил?

– Да.

– Только не записывай....

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Глава 6

Полковник Петрашевский

Через четыре дня после разговора с Петрашевским Матейченков – в который раз! – оказался в Краснодаре.

Вообще-то редко бывало так, что полпред президента более суток находился на одном месте. Его перемещения (по Чечне и сопредельным республикам, плюс бесконечные вылеты в Москву на высокие совещания), если изобразить их графически, сильно напоминали бы броуновское движение активной молекулы.

Но каждое такое перемещение было связано с решением важной задачи для жизни и деятельности объединенной группировки федеральных сил.

Михаил Куликовский оказался первым, с кем генерал Матейченков поделился своим замыслом: создать особый разведывательно-диверсионный корпус. Впрочем, всех карт он не собирался раскрывать – это было не в его привычках.

– Ты слышал про полковника Петрашевского? – спросил Матейченков.

– Николая?

– Да.

– Даже знаком с ним немного. Но больше слышал о его делах. Он что... погиб?

– Нет, жив.

– Слава богу! А почему спрашиваешь?

– Много слышал о нем, как мне кажется, неправдоподобного. Хотелось бы отделить правду от вымысла.

– Видишь ли, Петрашевский – прирожденный конспиратор, поэтому часто приходится пробавляться слухами...

– А может, все эти истории – просто легенды? – вдруг спросил Матейченков. – Вроде как «белые колготки», о которых я уже столько раз слышал. Неуловимые снайперши...

– Э, брат, «белые колготки» – вовсе не легенды, – покачал головой Куликовский. – Дай срок, сам с ними столкнешься... Ладно, вернемся к нашему полковнику. Ты знаешь, что Петрашевский – было такое дело! – спас от полного уничтожения 8 й армейский корпус. Дело было в первую чеченскую. Генштаб спланировал, что корпус идет на Грозный. Сам понимаешь, строжайшая военная тайна. Разработали маршрут движения корпуса до мельчайших деталей, как это умеют только в нашем генштабе. Каждый шаг, каждый населенный пункт, каждую загогулину, как говаривал наш бывший вождь. Ну и по часам и минутам все, как водится, расписано.

За несколько дней до выступления вызывает генерал Рохлин Петрашевского (он у него начальником войсковой разведки служил) и говорит: «Что-то на сердце у меня неспокойно. Возьми несколько лучших своих головорезов и проверь наш будущий маршрут. Как бы какого-нибудь подвоха не было...» Полковник отобрал пятерку ребят – и в путь.

– Кто рассказывал тебе об этом деле?

– Сам Петрашевский.

– Вышли они из расположения корпуса Рохлина – было это глубокой ночью – и двинулись в сторону Чечни.

– Чечня к тому времени была уже заблокирована нашими войсками? – спросил Матейченков.

– Была. В том-то весь фокус! Это была первая проблема, которая встала перед Петрашевским.

– Не понимаю, – признался генерал.

– Видишь ли, Рохлину не составляло никакого труда снабдить своих разведчиков соответствующими ксивами. Но, представив эти документы на любом нашем КПП, Петрашевский в какой-то мере раскрывался, а в таких условиях утечка информации – самое страшное зло. Потому полковник поостерегся брать у начальника какие бы то ни было документы. Для группы разведчиков, причем таких классных, как у Петрашевского, не составило труда просочиться через границу с Чечней. Проникли они туда и тайком движутся точно по маршруту, который генштабом предписан корпусу генерала Рохлина. Дорога – живописней не бывает. Между бурным Терекком и горами. Ни влево, ни вправо не ступить. Горе в том, что на каждом шагу будущего следования корпуса полковник с ужасом видит следы подготовки к встрече нашего соединения. Тут хорошо замаскированная засада, там чеченские саперы хлопочут, зарывают на дороге радиоуправляемые мины и фугасы. Здесь снайперские гнезда сооружают – кстати, к вопросу о «белых колготках»...

– Короче, готовят встречу Рохлину по полной программе.

– Возвращается Петрашевский с ребятами тем же путем, и к Рохлину: так, мол, и так. Идти генштабовским маршрутом – верная смерть всей части. Уничтожат на корню.

– И что Рохлин?

– Чуть с ума не сошел. Не поверить он полковнику не мог. С одной стороны, приказ есть приказ. Разве можно его нарушить? Но бросить родной корпус прямо в огненную пасть?

– Скверная ситуация, – заметил Матейченков.

– Рохлин спрашивает у полковника: «Что посоветуешь?» – «Надо, – говорит, – изменить маршрут. Двигаться через Ставрополье». Сядутся они вдвоем за карту, – продолжал свой рассказ Куликовский, – и в пожарном темпе прокладывают через ставропольские степи совершенно новый маршрут, ни в чем не совпадающий с прежним, генштабовским. «А теперь, – говорит начальник корпуса, – полетим с тобой к Грачеву. Он тут находится неподалеку... Расскажешь, что увидел... Постараемся его убедить». Министр обороны принял гостей и внимательно их выслушал. Поначалу был категорически против. «У страха глаза велики, – говорит. – С чего вы решили, что чеченцы готовятся именно к встрече вашего корпуса? Может, они просто укрепляют свои позиции? На всякий чих не наздравствуешься. Если мы по любому поводу, а то и без него, будем нарушать предписания Генерального штаба, представляете, какой бардак воцарится?» Но Петрашевский – память у него потрясная – столь детально и ярко описал каждое препятствие, выстроенное чеченцами на пути следования корпуса, что Грачев заколебался. «Когда выступаешь?» – спросил он Рохлина. «На рассвете». – «Ин ладно... Быть по сему! – решил министр и размахисто перекрестился. – Возьму грех на душу!» – Он прямо на карте написал несколько слов и подписался.

Матейченков спросил:

– А результат?

– Блестящий. Рохлин вывел свою часть на исходные позиции без единой потери!..

– Случай нечастый, – заметил Иван Иванович. – Я внимательно ознакомился с документами. Именно при вступлении в Чечню наши войска несли большие потери. Может быть, самые большие... Но все-таки... В чем секрет? Как чеченцы узнали заранее маршрут следования корпуса?

– Догадайся с трех раз.

– Информация из окружения Рохлина?

– Никак нет, товарищ полпред президента, – покачал головой Куликовский. – Утечка произошла из нашего Генерального штаба...

– Сказал бы я...

– Скажи, облегчи душу.

Да, генерал Матейченков не любил открывать всех своих карт сразу, даже если имел дело с человеком, которому полностью доверял. Но этим свойством отличался не он один. Такая же черта характера была и у полковника Николая Петрашевского.

Многое он не рассказал генералу Матейченкову из своего боевого и разведчицкого прошлого. Речь не шла о недоверии – просто времени для общения немного было. Да и потом, насколько все это интересно полномочному представителю президента?..

Не рассказывал полковник, в частности, о периоде становления корпусной разведки, которую возглавил.

Нуждались они тогда отчаянно – хоть на паперть иди с протянутой рукой. Даже необходимая техника к ним не часто попадала, и то по большей части списанная. А ведь та же радиосвязь для разведчика – первое дело. Нашел Петрашевский, правда, умельцев, которые модернизировали допотопные рации «времен очаковских и покоренья Крыма».

А транспорт? Одни слезы. Как вспомнишь, так вздрогнешь. Такие расхлябанные колымаги им передавали – не приведи господь!

Однажды, правда, генерал Рохлин расщедрился – подарил «Урал» в довольно приличном состоянии. С тех пор в экстренных случаях разведчики на этом «Урале» и передвигались. Правда, он оказался не очень пригодным в случае внезапных обстрелов, которые случались сплошь и рядом.

Но и тут свои же умельцы не подвели. Борта машины аккуратно обложили мешками с песком. А на лобовое стекло натянули пружинную сетку от проржавленной госпитальной койки, которую нашли, стыдно сказать, на свалке.

Полковник по этому поводу заметил:

– Голь на выдумки хитра.

Кстати сказать, при всей малой эстетичности последнего усовершенствования, оно оказалось достаточно эффективным – вражеские гранаты отскакивали от сетки, не взрываясь. Впоследствии изобретением этим воспользовались и другие.

И еще много интересного мог бы порассказать полковник Николай Петрашевский. Иногда у него мелькала смутная мысль: поведать обо всем этом любопытствующим потомкам в своих мемуарах, если, конечно, доведется дожить до отставки и мирной жизни...

...Константин Симонов когда-то заметил: «Всю правду о войне знает только народ». У Николая Петрашевского была на этот счет другая точка зрения: всю правду о войне не знает даже народ.

Ну что знает человек, даже нюхнувший пороха и вдоволь похлебавший каши из солдатского котелка, о буднях обычной армейской разведки, действующей рядом с ним? Ничего.

Может быть, самое тяжелое для нормального человека, не садиста и не отморозка, попавшего в разведку, – это необходимость убивать себе подобных. Нет, физически уничтожить человека не трудно, как ни страшно это звучит. Гораздо труднее – сломить в себе некий психологический барьер, мешающий подобному действию. А в работе разведчика это диктуется сплошь и рядом железной необходимостью.

Были у полковника Петрашевского и воспоминания о неудачах. Причем отдельные планы не сбылись по его вине...

Когда вожди чеченских боевиков стали федеральным властям поперек горла, на мятежников была негласно объявлена настоящая охота. Тогда-то Николай Константинович и выдвинул идею, которая военным командованием Чечни была признана наиболее перспективной, – воспользоваться для уничтожения лидеров сепаратистов бронетанковой управляемой ракетой – БТУРом.

И об этом он обязательно расскажет в своих мемуарах. Расскажет и о том, как – единственный раз в жизни – предложил родному Генштабу серьезную разработку которая стоила ему многих бессонных ночей.

Работу долго мариновали, передавали от одного чиновника другому, из одного отдела в другой – чисто футбольная перепасовка! Посылали на отзыв, рецензировали, обсуждали. И в конечном счете возвратили Петрашевскому с вежливой, абсолютно обтекаемой резолюцией, вызвавшей у него сильное желание набить морду – неизвестно, правда, кому именно.

В той памятной резолюции говорилось, что замысел автора интересен, однако недостаточно продуман, а главное, дорогостоящ, и потому в настоящее время не может быть принят.

А еще одна идея его (Николай Константинович чувствовал это всей кожей, всем сердцем) была как воздух необходима нашим частям, воюющим в горной Чечне.

Пусть и об этом судит читатель мемуаров.

...Этот замысел Петрашевского был прост до чрезвычайности, и осуществить его было нетрудно и уж во всяком случае совсем не так дорого, как утверждали штабные крысы.

Ведь сколько наших ребят гибло в горных боях, когда они попадали в паутину засад, ловко расставленных мин и фугасов, пресловутых вражеских снайперов, отлично замаскированных и готовых месяцами, словно пауки, ждать свою жертву!

Петрашевский предложил собрать со всей России лучших снайперов и переподготовить их для действий в горной местности. Затем снабдить винтовками с современным оптическим прицелом «СВ-94» – вокруг этого оружия вообще долгое время происходили какие-то странные истории – и разместить снайперов в самых опасных горных местностях через определенные интервалы, учитывая дальность действия оружия, которая составляет два километра – отличный показатель для снайперской винтовки.

Это – стационарные точки.

Между ними следует разместить снайперов с более легким оружием, готовых в случае необходимости с помощью соответствующих транспортных средств быстро перемещаться в точку, где возникла опасность.

Такая система, полагал полковник Петрашевский, послужит сетью для самих террористов, скует мобильность бандформирований и в конечном счете будет способствовать их ликвидации.

Не вняли...

Теперь, когда в Чечню пришел генерал Матейченков, порядка стало больше. Полпред сразу понял необходимость создания в Чечне диверсионно-разведывательного комплекса. Быть может, он поддержит и идею, заруленную военными невеждами из Генштаба. А заодно – разберется с вопросом, куда деваются новейшие снайперские винтовки, выпускаемые Тулой. Почему у боевиков они есть, а у наших снайперов – нет?..

Винтовых следует найти и крепко дать им по рукам – чтобы другим казнокрадам неповадно было...

Глава 7

Новый вид разведки

Углубленно занимаясь проблемами военной и стратегической разведки и последовательно их разрешая, хотя это и было связано с немалыми организационными трудностями, а также до конца непонятным ему сопротивлением некоторых инстанций, генерал Матейченков пришел к небезынтересным выводам.

Он размышлял о роли разведки не только в военных действиях, но и во взаимоотношениях различных стран.

Почему взаимную разведку ведут – причем на самом высоком уровне, «без дураков» – не только враждующие между собой державы, но и страны, связанные искренними дружескими узами – те же страны НАТО, например?

Такой вопрос носит, впрочем, более или менее наивный характер, и на него не так уж трудно найти разумный ответ: каждая серьезная страна желает знать, каковы подлинные намерения других стран, и не обязательно ее соседок? Какое новое оружие куют они в своих тайных арсеналах? Против кого оно будет нацелено? Ну а, кстати, недурно бы и «позаимствовать» технологию его производства.

Вспомним, например, драматичную историю создания первой советской атомной бомбы, круто замешанную и на разведке, и на шантаже, и на выкрадывании военных секретов, и на предательстве.

Генерала Матейченкова при этом не интересовали абстрактные вопросы: он задумывался над чисто конкретными вещами, связанными с Чеченской кампанией.

Известно ведь, что наша разведка в Кавказском регионе – пусть лучше, пусть хуже – действовала всегда. Было, в частности, известно, что чеченские боевики усиленно готовятся к военным действиям. Об этом не могли не докладывать высшему руководству страны. Так почему же оно должным образом не реагировало?

Во время одной из поездок в Москву Матейченков встретился с давним своим знакомым, генерал-полковником Борисом Дубовым. Посидели, повспоминали Афганскую войну, которую прошли вместе. Вспомнили боевых товарищей и друзей, и погибших, и тех, кого война пощадила, оставив в живых.

– Между прочим, у меня давний должок, Борис Сергеевич, – произнес Матейченков.

– Ты о чем?

– Там, в Афгане, ты мне жизнь спас.

– Это когда же?

– Я свою колонну вел через горный перевал... А ты прислал мне подмогу, когда мы в засаду попали.

– Помогли?

– В самый раз. Опоздай они чуток – не сидел бы я сейчас перед тобой.

Они сидели в уютном кафе Государственной Думы, депутатом которой был теперь Борис Дубов.

– Что теперь былое ворошить, – заметил он, прихлебывая кофе. – Знаешь ведь пословицу: кто старое помянет – тому глаз вон.

– А кто его позабудет – тому два.

– Ты что же, хочешь теперь мне жизнь спасти?

– Если доведется.

– Не доведется, – улыбнулся Дубов.

– Это почему?

– Мне теперь по штату личная охрана положена, хотя я от нее и открешиваюсь всячески. Негоже мне, Герою Советского Союза, бояться каких-то бандюг, какого бы они ни были происхождения.

– И то правда.

– Кстати, как ты там, в Чечне, с бандитами справляешься? – спросил, отодвигая чашку, Дубов.

– По мере сил и возможностей.

– Чем сейчас занят?

– Да вот, разведку налаживаю армейскую.

– Доброе дело, – кивнул Дубов. – И необходимое. Еще в Афгане убедился: разведка – глаза и уши армии.

– Я вообще давно хотел потолковать с тобой, – признался Иван Иванович.

– Да ты теперь больше моего кумекаешь. У меня ведь только афганский опыт...

– Скажи, Борис Сергеевич, положи руку на сердце. Как ты вообще расцениваешь все, что в последнее время произошло в Дагестане и Чечне?

– Считаю, что это все – колоссальная ошибка России, которую придется расхлебывать и нам, и нашим детям и внукам еще много-много лет.

– Согласен. Но в чем ее истоки?

– Глубоко копаешь.

– Иначе и смысла нет...

– Я мог бы начать с Афганистана...

– К Афганистану вернемся позже.

– Понимаю, тебе ближе чеченские боевики и террористы, – произнес Дубов. – Но ведь и они не возникли на пустом месте, не вынырнули из космоса. Если хочешь знать, мы сами, своими руками, вскормили их и вспоили.

– Поясни.

– Охотно. Когда организм человека ослабевает, на него нападают всяческие хвори, о которых он, будучи здоровым, не имел понятия. Согласен?

– Согласен.

– Что касается чеченских событий, то они начались, когда рухнул Советский Союз, и из недр его вышла изрядно ослабленная Россия.

– А кровавый передел собственности за счет терских казаков в двадцатые годы, сталинская депортация и прочее?

– Оставим за скобками, поскольку это уведет нас слишком далеко в историю, – сказал Дубов.

– Хорошо, вернемся к временам развала великой страны.

– Россия вышла из этих развалин слишком ослабленной. Опять-таки, не будем говорить о причинах, тем более что для нас с тобой они более или менее ясны.

Матейченков кивнул.

– Россия при всем желании не могла уже содержать прежнюю армию. Старые Вооруженные Силы требовали слишком больших финансовых вливаний, а ты знаешь сам, куда тогда уходили деньги.

– Да и теперь уходят.

– Увы... Так или иначе, возникла абсолютная необходимость полной реорганизации армии, чтобы не оставить ее на уровне каменного века...

– Помню эти разговоры.

– Вот именно разговоры! Только дело пустопорожними разговорами, к сожалению, и ограничивалось.

– Они начались, по-моему, в 1992 году...

– Именно тогда. Все начали кричать, и не только СМИ, что наша армия устарела, флот гибнет, авиация еле дышит...

– Но ведь реальных шагов не предпринимали.

– Нет, и это было самое печальное. Но беда была гораздо глубже, чем могло показаться на первый взгляд. Ведь никак не были реформированы ни принципы комплектования Вооруженных Сил, ни их боевая подготовка, ни, наконец, поставки техники и вооружения. Что там говорить: бензина не хватало. Боевые самолеты для тренировок экипажа вылетали раз в год по обещанию. Летчики теряли квалификацию. А также офицеры всех прочих специальностей...

– Можно сказать, что руководство страны от армии самоустранилось, – произнес Матейченков. – Власть на нас рукой махнула: сами выбирайтесь из ямы.

– Вот и получилась то, что получилось, – сказал Дубов. – Когда с Чечней все созрело и перезрело и правительство приняло решение – весьма запоздалое – навести в республике порядок, армия была окончательно развалена.

– Помню, как ударные группировки тогда формировались, – добавил Матейченков. – Сбору по сосенке.

– И во вторую чеченскую кампанию мало что, к сожалению, изменилось. Вот ты сейчас занимаешься координацией действий разных родов войск. Есть у тебя, к примеру, морские пехотинцы?

Иван Иванович кивнул.

– Ну разве это порядок – бросать морскую пехоту на сухопутный театр военных действий?

– Между прочим, отличные вояки...

– Никто этого не отрицает. Но их дело – море-океан, а не горы и долины, – сказал Дубов. Вокруг жужжал оживленный говор депутатов, за соседними столиками жевали бутерброды, кто-то кого-то приветствовал. К ним никто не подсаживался.

Матейченков заметил:

– Морпехи у меня – не от хорошей жизни.

– О том и речь, – вздохнул Дубов. – Ребята наши сражаются мужественно, за то честь им и хвала. Но это отнюдь не снимает вины с высшего руководства.

– Справедливости ради скажу, что сейчас дела у нас в Чечне не в пример лучше идут, чем в первую войну.

– Это мало что меняет, – махнул рукой Дубов. – Главное-то не изменилось. Снова намешали войска из разных силовых ведомств: разве это дело? «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань». Так что, честно говоря, Иван Иванович, я тебе просто сочувствую: координировать действия такого разношерстного воинства – с ума можно сойти.

– Пока не сошел.

– Твое счастье.

– Но ты, Борис Сергеевич, объясни мне другое. Были ведь сведения, что чеченские боевики не смирились и готовятся к новой бойне?

– Переходишь к вопросу о разведке?

– Да.

– Конечно, такие сведения поступали, это я знаю точно, – произнес Дубов. – Скажу тебе больше. На основании этих данных наш Генеральный штаб провел большую аналитическую работу, свел воедино массу данных, тысячи параметров и спрогнозировал, что банды террористов начнут прорыв в Дагестан, чтобы захватить эту сопредельную республику: для них это стратегически важно, начиная с выхода к морю и кончая международным значением такой акции, если бы она для них увенчалась успехом.

– Генштаб сообщил об этом Кремлю?

– Конечно. Я читал эти документы. Очень хорошие, кстати, документы.

- Чем?
- Объективностью в первую очередь, чем, как ты знаешь, наш Генштаб не всегда отличается. Ну и ввиду этой самой объективности приятного в них было мало.
- Для руководства Минобороны?
- И для руководства страны.
- Ну, не о приятности речь. Но почему наши руководители не отреагировали на предупреждение Генерального штаба? – произнес Матейченков.
- Хотел бы я знать ответ на этот вопрос! – воскликнул Дубов. – Я много думал об этом, чуть мозги не вывихнул, но точного ответа не нашел, хотя кое-какой информацией располагаю, как ты понимаешь.
- Может, это безответственность?
- А может, и политическое безволие. Но вполне допустим и другой ответ...
- Какой же?
- Элементарное перетягивание каната во властных структурах, непрерывная борьба за власть, вечная чехарда с премьер-министрами... Все это затмило нашим правителям весь белый свет: мол, гори все синим пламенем, лишь бы мне у власти остаться.
- Но это... просто непорядочно.
- Мало сказать! Ты знаешь, Иван Иванович, мне теперь много приходится общаться с простым народом, с избирателями, вникать в их нужды, выслушивать мнение по текущим событиям. И могу тебя заверить, что когда вооруженные бандформирования прорвались в Дагестан, люди были просто потрясены. Основные вопросы, которые мне задавали, были не о задержках зарплаты, не о безработице и не о растущей дороговизне, а только об одном... Мы все время трубили о боевой готовности. Так как же смогли допустить, что несколько тысяч вооруженных до зубов бандитов могли прорваться на территорию Дагестана? Почему не предотвратили вторжение? Разве наша разведка, опять же, не доносила о скоплении чеченских орд на границе с Дагестаном?
- И что ты им отвечал?
- Дубов развел руками:
- Я не знал, что ответить. Право, не знал, а врать не хотелось: не приучен я врать. Какое-то время посидели молча. Да, невеселый получался разговор, не такой представлялась эта встреча генералу Матейченкову.
- Между прочим, – нарушил тягостную паузу Дубов, – я выезжал в Дагестан.
- До военных действий?
- И до, и во время. Пришел в ужас, хотя, как ты знаешь, испугать меня трудно. Оказывается, задолго до вторжения боевики соорудили на самой границе с Чечней несколько крупных военных баз, оборудованных по последнему слову техники.
- Ни в какие ворота!
- Шила в мешке не утаишь, и наша разведка об этих сооружениях просто не могла не сообщать.
- Власти и на это не отреагировали? Но это уже просто преступление, – возмутился Матейченков.
- Я с выводами не спешу, – покачал головой Дубов. – Может, просто беспечность наша расейская?
- Извечная надежда на авось?
- Что-то вроде того. Вспомни июнь сорок первого года. Мы тоже тогда кричали, что к войне готовы.

*Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,*

*Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет.*

А что на деле оказалось? – продолжал Дубов. – Граница не укреплена. Пограничные части дезорганизованы, бензин на аэродромах и на танковых базах отсутствует. Далее результат первых же дней войны: три миллиона наших солдат попали в плен, кадровая армия по сути дела перемолота, немцы продвигаются со стремительностью лесного пожара, почти не встречая сопротивления, кроме отдельных островков, типа Брестской крепости. . . Да что я тебе излагаю? Не мне говорить, не тебе слушать.

– Ты что же, сравниваешь ту ситуацию и эту?

– Конечно, масштабы разные, но суть одна.

– Ты, брат, чуток перегнул палку.

– Ни капли, – энергично покачал головой Дубов. – Скажу тебе по секрету, что нам еще крупно повезло.

– В чем?

– А в том, что народ Дагестана в своей массе оказался на нашей стороне. Иначе пришлось бы совсем кисло.

– Тут ты прав.

– Едва произошло вторжение чеченских боевиков, как дагестанская милиция и ополченцы выступили против них. Это был единый порыв. Я слышал, как ополченцы чуть не рыдали, прося, чтобы им выдали оружие. . . Я видел длинные очереди у пунктов, где добровольцев записывали в ополчение.

– Значит, боевики просчитались?

– Да, они рассчитывали совсем на другую встречу. . . И на старуху бывает проруха.

– Тут-то и развить бы этот успех до конца, – произнес Матейченков.

– Да, тогда этого сделать не сумели. Даже обнаруженные базы террористов не уничтожили.

– На что, собственно, рассчитывали боевики?

– На общность религии. Но номер не прошел, к счастью для России, – усмехнулся Дубов.

– Как хочешь, Борис Сергеевич, но те времена. . .

– Какие?

– Перед началом второй чеченской войны. . . Те времена представляются мне совершенно непостижимыми. Ничего понять невозможно. Чистый Кафка.

– Ты имеешь в виду отношения с Чечней?

– Конечно. Ее столица стала каким-то вольным городом, как будто Грозный расположен не в России, а является независимым государством во главе со своим королем, который что хочет, то и делает. Посуди сам. Самолеты из Грозного летают во все концы света, и отовсюду прилетают в Грозный. И для них не существует ни государственной российской границы, ни таможни, вообще никаких преград.

– Да, можно вообразить, если бы себя так повел, например, Тамбов или Минусинск, – усмехнулся Дубов.

– Что там говорить, с самого начала потеряли мы темп, упустили ситуацию, – вздохнул Матейченков и разгладил усы.

– Когда Джохара Дудаева выбрал народ и он стал первым чеченским президентом, тогда и надо было сблизиться с ним, – подхватил Дубов. – У него ведь не было тогда антирусских настроений, я знаю. Вместо этого ситуацию пустили на самотек.

– Думаешь, с ним можно было договориться?

– Не думаю, а знаю точно. Я ведь лично его знал, много с ним общался. . . Это был искренний и чистый человек. Конечно, не в меру амбициозный, но уж какой есть. Он готов был

на определенных условиях дружить с центральным правительством. Вместо этого его оскорбили подозрением, начали обливать помоями... Это – с одной стороны. А с другой – снабдили невероятным количеством оружия, которое хранилось на наших армейских базах. Новенькое по тем временам оружие, на котором еще не высохла заводская краска...

– Знаю.

– А весьма темная история с фальшивыми авизо, которая принесла чеченцам бешеные миллиарды? Разве могут быть сомнения, что кто-то и из наших высокопоставленных чиновников крупно нагрел на этом деле руки?!

– Между прочим, Борис Сергеевич, я знаю человека, причастного к покушению на Дудаева.

– Последнему?

– Да.

– Интересно. Он, наверное, может многое рассказать. Познакомь меня с ним, – попросил Дубов.

– Обязательно. Я вообще хотел вас свести.

– Кто он?

– Теперь возглавляет разведывательно-диверсионный корпус, который я создал.

– Вижу, Иван Иванович, ты в Чечне время зря не теряешь...

– А меня и направили туда не для того, чтобы я зря время терял, – ответил Матейченков.

– Задам я тебе несколько вопросов, поскольку моя милиция меня бережет. По крайней мере, это входит в ее обязанности...

– Задавай.

– Ты ведь, Иван Иванович, по предыдущей должности был начальником Управления общественного порядка. Я ничего не путаю?

– Не путаешь.

– Тогда скажи: есть ли в России кто-нибудь, кто поддерживает чеченских сепаратистов? К тебе ведь стекалась информация чуть ли не из каждой точки страны.

– Есть, есть такие силы, как не быть?

– И что же они? Снабжают террористов оружием, деньгами, доставляют в Чечню боевую технику?

– Всякое бывает.

– Но если милиция их знает, почему не арестует?

– У внутренних органов есть на подозрении ряд лиц. Если нам удастся обнаружить бесспорные доказательства в их противоправной деятельности, мы их арестовываем, можешь не волноваться. Но дело это тонкое. Нужны неоспоримые доказательства, чтобы не наломать дров.

– Послушай, Иван Иванович, но ведь в каждом крупном городе имеются чеченские диаспоры. А в Москве она вообще огромная и очень мощная, я Москву, слава богу, хорошо знаю, как и Московскую область.

– Есть такие диаспоры, это верно. Они существуют легально, и мы знаем их лидеров. Но ведь это еще ничего не доказывает. Нельзя огульно обвинять всех чеченцев, входящих в диаспору, в пособничестве бандитам и террористам. Это было бы неправильно. Более того, многие из них осуждают действия боевиков, и хотят только одного: мирно жить и зарабатывать на хлеб.

– Откуда эти сведения?

– Я сам много разговаривал с представителями чеченских диаспор многих крупных городов России.

– Видимо, так и есть, – подумав, согласился Дубов. – С другой же стороны, и среди представителей других национальностей, в том числе и русских, наверняка есть пособники боевиков.

– Все диктуется только общими интересами. Сам знаешь: преступность не имеет национальности.

– Старая как мир истина.

– Пособники террористов есть, к сожалению, и в высших эшелонах нашей власти, – сказал Матейченков. – Поэтому и получается так, что самые секретные документы Генерального штаба оказываются в руках чеченцев раньше, чем они попадут к тем, для кого предназначены. Отсюда и чрезмерные наши боевые потери, и вечная неразбериха...

– Заговорил ты, Иван Иванович, о неразберихе, а я тут же вспомнил Афганистан... Знаешь, он в последнее время мне часто снится. Там тоже все происходило, как ты сегодня выразился, по Францу Кафке. Но в Афгане было столкновение совсем другого порядка. Столкнулись два как бы потока времени, две разные эпохи: современность и Средневековье, что ли. Нет, лучше сказать два века: железный и каменный...

– Мы там нарушили жизнь чужих племен, вторглись в чужой монастырь со своим уставом, – добавил Матейченков.

– Они до сих пор не могут прийти в себя после нашего вторжения, до сих пор воюют племена и льется кровь.

– Но и нами заплачено полной мерой. Я уж не говорю об афганском синдроме, о потерянном поколении, о тысячах и тысячах исковерканных жизней. Разбужен зверь, маятник качнулся в противоположную, то есть нашу, сторону.

Матейченков помолчал и продолжил:

– Теперь Афганистан грозит поглотить бывшие наши среднеазиатские республики: возьми страшную судьбу того же Таджикистана. Но, может быть, самое неприятное и неотвратимое – это массивный поток наркотиков, который хлынул к нам из Афганистана.

– Я думаю, есть некое историческое возмездие.

– Это тот самый случай, – подтвердил Матейченков. – Афганские наркотики текут через Чечню, как ручьи воды сквозь прохудившуюся плотину. Боремся, боремся мы с ними – ничего не помогает. С одной стороны, они несут наркокурьерам бешеную прибыль, а выше власти денег ничего нет. А с другой – чеченский народ в массе своей обнищал, его заела безработица, войны последних лет, дикая разруха, почти полное отсутствие социальной помощи. Перевозка и продажа наркотиков – часто единственная возможность не помереть с голоду.

– Да, теперь в Афганистане наловчились изготавливать практически все наркотики, включая самые новомодные. Мне рассказывали ребята, хорошо знающие нынешнее положение дел там, – произнес Дубов.

– Борис Сергеевич, я слежу за твоими выступлениями в газетах, слушал тебя несколько раз по телевидению. Особенно в части, касающейся Чечни. Ты часто повторяешь, что проблема с Чечней должна быть решена исключительно путем переговоров, экономическими, социальными и политическими мерами. Скажи, это серьезно?

– Вполне.

– Да как же такое возможно, если боевики проливают невинную кровь, взрывают жилые дома, устраивают массовый террор, похищают людей, торгуют рабами?..

– Здесь я обязан внести необходимую ясность, – сказал Дубов. – Поставим вопрос так: кто нам противостоит в чеченской войне, если называть вещи своими именами? – Он посмотрел на собеседника и сам же ответил: – Отпетые бандиты, для которых нет ничего святого. Которые ради наживы готовы на все. Для которых человеческая жизнь – ничто. Для которых знамя ислама – только фиговый листок, прикрывающий их бандитскую сущность. С такими разговор может быть только один: окончательный разгром бандитских международных формирований и суд над ними.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.